

За хого Чэнь Дун и Хань Сюнь весело и шумно провели немало времени.

В деле еды есть глубокая наука: у каждой трапезы свой особый ритм. Вот, к примеру, этот хого — они действовали по классическому ритму «медленно — быстро — медленно».

Первое «медленно» — медленно от сдержанности.

Когда блюда только принесли, Чэнь Дун был голоден настолько, что мог бы обгрызть газон, но очень заботился о своём образе и боялся спугнуть Хань Сюня видом того, как он пожирает по-акульи и заглатывает по-китовьи, а потому всё же неспешно подцепил два ломтика мяса и в кипящем котле окунал слева, окунал справа, окунал слева, окунал справа...

Дождавшись, пока жирная говядина изменит цвет, он торопливо выудил её, обмакнул в собственноручно составленный секретный соус для жирной говядины и проглотил одним махом.

В тот же миг обжёгся так, что переменялся в лице, и, разинув рот, безостановочно махал рукой, нагоняя внутрь воздух.

Хань Сюнь поспешно протянул ему воду:

— Сначала выплюнь!

— Не, не надо! — Чэнь Дун вытянул шею и заглотнул разом, ни дать ни взять большой гусь. — Нельзя же переводить продукты!

Второе «быстро» — быстро от рвения.

Мяса на столе постепенно поубавилось на полтарелки, а пустой желудок Чэнь Дуна не только не насытился — напротив, грохотал и урчал.

Голод придал ему храбрости, он не сдержался, схватил тарелку свеженарезанных ломтиков баранины и с жаром принялся угощать Хань Сюня:

— Ты чего всё время овощи варишь? Не экономь ради меня, ешь побольше мяса, побольше мяса, не хватит — ещё закажем!

А затем, не дав себя остановить, разом — плюх! — забросил все ломтики на дно котла.

Жгучее красное масло бурлило, вмиг поглотив мясо, перец облизывал всё подряд, обволакивая каждую прожилку свежей острой пряностью.

— Братец официант! — Чэнь Дун вскинул руку. — Ещё тарелку мяса!

Третье «медленно» — медленно от уступчивости.

Мясо прошло три круга, блюда — пять вкусов, Чэнь Дун уже сбился со счёта, сколько всего напихал себе в живот. Посреди трапезы он под предлогом похода в туалет тайком ослабил одну застёжку на поясе брюк.

Он полулежал, обмякнув, в диванном кресле, одной рукой поглаживая круглый, как шар, живот, а взгляд, утратив всякий фокус, блуждал в воздухе.

Хань Сюнь выудил из котла два рыбных шарика и хотел было передать ему.

Тот поспешно выставил ладонь в отказе:

— Эти рыбные шарики особенно нежные, ты ешь, ты ешь!

Рука Хань Сюня жёстко подтолкнула их в его сторону:

— Это ты добавил, ты и ешь.

Чэнь Дун:

— Нет-нет-нет, ты же ещё не пробовал, ты ешь.

Хань Сюнь:

— Ты заказал, ты и ешь.

Чэнь Дун:

— Ты не ел, ты ешь.

.....etc

С этакой вознёй они в общей сложности ели два с половиной часа, потратили триста восемьдесят пять юаней, а недоеденные остатки блюд и мяса упаковали с собой в три больших коробки.

О, а перед уходом продавец ещё подарил им две коротенькие связки кисло-сладких танхулу из боярышника — по три ягоды на связке, как раз чтобы помочь пищеварению и при этом не занять и той малости места, что оставалась в животе.

В общем, прямой человек или нет — сказать трудно, но эта трапеза всё же вышла очень стоящей.

Поскольку заранее уговорились, что угощает Чэнь Дун, Хань Сюнь не стал состязаться с ним в уступчивости, лишь мимоходом напомнил, когда тот доставал кошелёк:

— Не забудь выбить чек, впиши название кофейни.

Чэнь Дун:

— А? Это что, ещё и по отчётности провести можно?

Хань Сюнь:

— Так скоро же конец года. Потом спрошу у хозяина-идеолога, нужно ли ему. Если нужно — заведение всё возместит.

Чэнь Дун про себя подумал: «До чего же хорошие льготы для работников в этом заведении — кофе и десерты: в обычные дни — без ограничений, по праздникам — праздничные, за еду ещё и возмещают. Чай Цзюнь, ну откуда же ты такой большой добряк свалился?»

Хотя Чай Цзюня он увидел сегодня впервые, впечатление об этом идеологе сложилось очень хорошее. Щедрый, лёгкий на подъём, не мелочно-корыстный, шутку понимает — совсем не то что те капиталисты-хозяева, которые держат наёмных работников за маленьких рабов.

— Кстати. — Чэнь Дун, одной рукой держа пакет с упакованной едой, а другой — танхулу для пищеварения, осторожно спросил: — Я смотрю, вы с управляющим вроде очень хорошо знакомы. Вы что, друзья?

Он ещё помнил, раньше Е Синью предупреждал, что Хань Сюнь, возможно, знаком с Чай Цзюнем, и просил быть поосторожнее, не болтать лишнего.

Это дело давно уже лежало у него на душе камнем. Несколько раз хотел прощупать почву, да не знал, с чего начать, и в конце концов махнул рукой — была не была, спрошу-ка напрямик, начистоту!

Хань Сюнь посмотрел на него, и взгляд этот словно говорил: «Ну наконец-то ты спросил».

— Угу, мы старший и младший соученики из одного университета, — таиться он не стал, ответил открыто и прямо. — Если посчитать хорошенько, знакомы уже почти десять лет.

— Он тоже учился на программиста?

— Нет, только я, — сказал Хань Сюнь. — Он сейчас работает в одной уже вышедшей на биржу инвестиционной компании, устроился неплохо. А эта кофейня для него вроде... Ну, личное баловство.

Чэнь Дун в университете тоже учился на финансиста, просто после выпуска не пошёл этой дорогой. Хань Сюнь назвал ему компанию, где работает Чай Цзюнь, и парень «был наслышан о славном имени». Вот уж не думал, что этот с виду разгильдяй-управляющий на деле такой крутой.

При этой мысли он невольно принялся жалеть Хань Сюня.

Они явно вышли из одного университета, но старший соученик развернулся в инвестиционной отрасли на всю широту, а Хань Сюнь из горячей интернет-отрасли уныло сошёл со сцены и теперь каждый день варит кофе, выводит латте-арт, и неизвестно, какой же удар судьбы и какое крушение он тогда пережил.

«.....В глухую полночь, очнувшись от сна, не вздыхает ли Хань Сюнь украдкой под одеялом?»

Чэнь Дун — человек порядком сентиментальный, особенно когда переест углеводов. Тогда эта его тоска-печаль неудержимо подкатывает от желудка кверху.

Он закусил ягоду боярышника в сахарной корочке, одним махом стянул её со шпажки и, держа во рту, невнятно забормотал, утешая человека:

— Хоть хозяин и очень крутой, но, по-моему, ты тоже неплох, ах! Не у каждого хватит смелости вовремя уйти на пике. Ты сейчас бариста, и это тоже здорово: время свободное, работа незагруженная, а самое главное — ты встретил меня!

Хань Сюнь слегка опешил, тонкие губы дрогнули, будто хотел что-то сказать.

Чэнь Дун перевёл дух:

— ...Ты встретил меня, великого писателя!

И не удержался от спойлера:

— Вообще-то я в четвёртом томе «Великого детектива Фу Сяосы» приготовил тебе важную роль: второстепенный герой номер пять! Не веришь — спроси у Звёздочки, я вообще никогда не беру кого попало из друзей в реальной жизни за прототип для своих книг, потому что вдруг мы потом рассоримся, а я, глядя на их тени у себя в тексте, буду грустить. Но, учитывая, что ты... Эм, учитывая, что ты... Ты мой новый друг, вот я и написал тебе роль!

К концу фразы речь Чэнь Дуна немного застопорилась, потому что ему было очень неловко признать, что он попросту от красоты потерял голову, раз выделил кофейному братцу такую важную роль.

— Ты только не думай, будто у героя номер пять мало экранного времени, ах. — Чэнь Дун покачал зажатými в руке танхулу, на которых оставалось ещё две ягоды. — Тираж моей книги — восемь тысяч экземпляров, если все распродадутся, то её увидят восемь тысяч человек. А если каждый из них даст почитать своему хорошему другу — это уже шестнадцать тысяч человек. А если книга попадёт в библиотеку и её возьмут пять человек — это уже сорок тысяч человек... То есть тот персонаж, у которого прототип ты, будет увиден несколькими десятками тысяч пар глаз, будет любим несколькими десятками тысяч человек... Жизнь человеческая — краткий миг, всего-то каких-то сто лет, но письма могут передаваться тысячелетиями. Ты подумай только: вот пройдёт сто лет, ты умрёшь, но персонаж, несущий в себе осколок твоей души, всё ещё будет странствовать в мире писмён, его всё так же будут листать, всё так же будут любить. Как же это не назвать кибербессмертием?!

Хань Сюнь и правда не знал, то ли похвалить его за романтичность, то ли сказать, что он фантазёр, витающий в облаках.

Он не сдержал смеха:

— Кибербессмертие, которого не могут добиться ни учёные, ни суперкомпьютеры, у тебя вон взяло да и написалось.

Великий писатель Чэнь Дун самодовольно вскинул голову, разгрыз сахарную корочку на последней ягоде боярышника, кончиком языка облизнул сахарную пудру, прилипшую к клычку, почмокал губами и скромно сказал:

— Ты тоже не благодари меня слишком уж сильно.

Болтая о том о сём, они вдвоём шли к выходу из торгового центра. Танхулу в руке Чэнь Дуна закончились первыми. Он огляделся по сторонам, как раз в нескольких метрах впереди стояла урна.

Он быстрым шагом подошёл выбросить бамбуковую шпажку, а Хань Сюнь, на шаг отстав, стоял на месте и пристально смотрел ему в спину.

Хотя парень и сказал «не благодари», всё же хотелось его поблагодарить.

За что же ему благодарить Чэнь Дуна?

.....Просто поблагодарить за то, что в тот дождливый полдень он нечаянно толкнул дверь кофейни и ворвался в его застойную, как мёртвая заводь, жизнь.

Прошло ещё несколько дней, и учительница Сяо Гао сообщила Чэнь Дуну хорошую новость — начальство одобрило ему проведение лекции в школе! И малый актовый зал тоже открыли для него!

Разумеется, тут не обошлось без пятизвёздочных похвал учеников школы, и больше всех постаралась старшая вожатая дружины, ученица Рисинка.

Редактор из издательства с ума сходил от радости, по телефону без остановки допытывался у Чэнь Дуна, как тот заполучил эту элитную начальную школу.

— Мы раньше связывались с другими обычными государственными начальными школами, и ни от кого не получили ответа. Учитель Чэнь Дун, как же ты убедил директора элитной начальной школы?

Чэнь Дун для вида немного поразмыслил и ответил:

— Ничего не поделаешь, золото всегда заблестит. «Великий детектив Фу Сяосы» написан так хорошо, что маленьким читателям он нравится — дело-то совершенно естественное!

— Да-да-да, хорошо-хорошо-хорошо. — Редактор поддакнул ему в тон. — Тогда позвольте спросить, учитель Чэнь Дун, а когда ты планируешь сдать эту золотую четвёртую книгу?

Чэнь Дун:

— ...Алло, алло-алло-алло??? Тут плохая связь!

— Плохая связь — не беда. — В улыбке редактора таился нож. — В день лекции я приду лично, мы ведь давно не виделись, самое время с глазу на глаз обсудить, как продвигается твоё произведение.

Чэнь Дун с перепугу молниеносно бросил трубку.

Всё верно, великий писатель Чэнь Дун не боится ни неба, ни земли, а больше всего боится своего ответственного редактора. Вообще-то редактор его — человек неплохой: добросовестный, безропотно-старательный, на связи 24/7, и однажды, когда Чэнь Дун глубокой ночью в emo¹ написал ему в приступе отчаяния, что бросает клавиатуру, уходит в монастырь и до конца жизни больше не пишет, редактор так испугался, как бы тот не натворил глупостей, что вдавил педаль газа и примчался посидеть с ним по душам.

1. в emo — emo (емо латиницей в оригинале): сетевой сленг (от англ. emo/emotional) — приступ ночной хандры, подавленно-меланхоличное состояние.

— Но, как все ученики боятся учителя, как все кролики боятся лисы... Страх писателя перед редактором — тоже штука, вписанная в гены.

Вспомнив об этом хитром, точно лиса, редакторе, бедный кролик — великий писатель, дрожа мелкой дрожью, вздохнул.

— Чего вздыхаешь? — Хань Сюнь за барной стойкой услышал его телефонный разговор и с любопытством спросил: — Ты же теперь можешь пойти в начальную школу читать лекцию, разве это не радостное событие?

— Читать лекцию, конечно, радостно, — еле слышно, из последних сил проговорил Чэнь Дун, — Но вот когда редактор торопит со сдачей рукописи — это уж совсем нерадостно.

Пишет он очень медленно: чтобы всё вышло на одном дыхании — такое редкость, а вот на бесконечные переделки уходит уйма времени. Не то чтобы у него нет плана-конспекта, но, пока пишет, он этот план по ходу теряет. Оттого и приходится без конца править и без конца шлифовать.

Взять хоть этот четвёртый том «Великого детектива Фу Сяосы». План-конспект он отдал редактору на рецензию ещё тогда, когда писал третий том, но, стоило по-настоящему взяться за перо, как ему вдруг взбрело в голову добавить одного загадочного персонажа — «Хань Шаньсы, официанта из кофейни²» (кхе-кхе-кхе-кхе): когда храбрый Фу Сяосы и кролик Хуашэн попадают в беду, этот самый персонаж в маске сваливается с небес и разом отлавливает всех злодеев!

Чэнь Дун, понурый и павший духом, растянулся на большом столе в кофейне. Он склонил голову набок, и в его очках отражался свет экрана. Документ был переключён в щадящий глаза зелёный цвет, и строчка за строчкой чёрные буквы преувеличенно и многословно описывали внешность «Хань Шаньсы».

Он уже сейчас мог представить, какое выражение появится на лице редактора, когда тот увидит «плоды его борьбы» за эти несколько месяцев!

Он тихонько приподнял голову, и взгляд его выскользнул от «Хань Шаньсы» наружу, к мужчине, стоявшему за барной стойкой.

Хань Сюнь поймал этот взгляд и несколько недоуменно протянул:

— Мм?

— Ха, ха-ха-ха, — Чэнь Дун с нечистой совестью захлопнул ноутбук и спросил: — Слишком

долго писал, хочу мозги проветрить, есть что-нибудь, с чем я могу помочь?

Хань Сюнь указал на лежавший под рукой плакат:

— Тогда помоги мне наклеить вот этот плакат.

Чэнь Дун подошёл, взглянул и с удивлением обнаружил, что это, оказывается, большой плакат о скидочной акции на кофе.

Оформлен он был в целом чисто, минималистично, без единого элемента, который перетягивал бы внимание с главного, а в самом верху ярким художественным шрифтом было отпечатано — «Авторский кофе: два по цене одного».

Авторский кофе — это, безусловно, самая большая визитная карточка любой частной кофейни (и к тому же самая дорогая визитная карточка). Бариста, ориентируясь на перемены погоды, праздники, сезонные местные продукты и прочие факторы, на основе кофе составляют напитки разных вкусов.

Хань Сюнь был и с фантазией, и со вкусом: раз в месяц он выпускал два авторских напитка, то и дело обновляя меню.

Чэнь Дун ещё помнил, как в сентябре тот составил напиток «Плывущий нефрит османтуса»: на основе колд-брю³, смешанного с собственноручно замаринованным османтусовым мёдом — столкновение вкусов рождало весьма своеобразный оттенок⁴.

3. колд-брю — кофе холодной экстракции — молотый кофе много часов настаивается на холодной воде, вкус мягче и слаще горячего.

А ещё был октябрьский «Мандариновый фонарик⁵», где он изобретательно использовал как фильтр кожуру собранных в октябре медовых мандаринов, отчего кофе приобретал природную свежесть и кисло-сладость мандарина.

Чэнь Дун ещё предвкушал, каким творением-сюрпризом Хань Сюнь порадует в ноябре, а вместо этого дождался плаката «два по цене одного»!

— Ты рехнулся. — парень поспешно принялся его останавливать. — Ты же с таким трудом, потом и кровью, разработал авторский напиток. С этим «два по цене одного» ты себя насмерть загоняешь! И к тому же на такое убыточное дело управляющий-идеолог разве согласится?

— Хозяин согласен. — Хань Сюнь расстелил тот самый плакат, и в голосе его сквозила улыбка.

— К тому же, раз есть радостное событие, его ведь надо отпраздновать.

Чэнь Дун:

— А что в заведении за радостное событие?

Как это он не в курсе.

Хань Сюнь не ответил, лишь повёл бровью в его сторону.

Чэнь Дун вмиг всё понял:

— Радостное событие, о котором ты говоришь, уж не то ли, что я иду в начальную школу читать лекцию на четыреста человек?!

— А это разве не стоит того, чтобы отпраздновать? — пошутил Хань Сюнь. — Или ты считаешь, что акция у нас в заведении слишком мелкая, крадёт твою славу, и тебе от этого неприятно?

Да как бы не так! Чэнь Дун, разумеется, был рад. Он был рад до смерти, рад так, что готов был прямо сейчас пойти написать ещё тысячу знаков, восхваляя, до чего же его «Хань Шаньсы» полон ума и находчивости, до чего загадочен и лихо-элегантен.

Он опустил голову, взглянул на плакат на столе. Под строчкой рекламного слогана «два по цене одного» был отпечатан тёплый авторский латте в кружке. Сверху на белой молочной пенке плавала тёмно-красная сублимированная фруктовая крошка. Чэнь Дун не мог угадать, что это, сушёная клубника? Вот она-то, наверное, и есть тема этого авторского напитка.

Его взгляд продолжил скользить вниз и упал на два маленьких иероглифа в самом низу.

У этой чашки кофе было очень своеобразное название, звалась она — «Приход зимы»⁶.

2. Хань Шаньсы — 韩善寺 (Hán Shānsì). (1) первый иероглиф 韩 — фамилия Хань Сюня, то есть Чэнь Дун списал персонажа с него; (2) всё имя почти омофонично 韩善寺 (Hánshān sì) — «храм Ханьшань» под Сучжоу, воспетый в хрестоматийном стихотворении Чжан Цзи (VIII в.) «Ночью причалил у Кленового моста». Так «загадочный спаситель в маске» получает и узнаваемую отсылку к Хань Сюню, и поэтический ореол.

4. Отличие от обычного кофе: тёмная, глубокая, почти прозрачная жидкость без пенки-крема

— потому что нет ни давления, ни жара, только время. Молотый кофе просто стоит в холодной воде 12–24 часа, а затем фильтруется. Именно поэтому Хань Сюнь выбрал колд-брю основой для «Плывущего нефрита османтуса»: горячий эспрессо своей кислотностью и горечью забил бы нежный цветочный мёд, а холодный экстракт даёт мягкую, чуть сладковатую базу, на которой аромат османтуса слышен.

5. Мандариновый фонарик — отсылка к хрестоматийному рассказу Бин Синь «灯笼» (1957), где девочка мастерит фонарик из мандариновой кожуры со свечкой внутри; образ тепла и надежды.

6. «Приход зимы» — 冬来 (Dōng lái), дословно «зима приходит / зима грядёт». Иероглиф 冬 (dōng, «зима») — омофон и графическая переключка с 陈 в имени 陈冬 (Chén Dōng). Название читается двояко: «Приход зимы» и «[Чэнь] Дун пришёл / явился Дун». Хань Сюнь тайком вписал Чэнь Дуна в название своего авторского напитка — зеркальный ответ на то, как Чэнь Дун прячет Хань Сюня в свои книги.

<http://bllate.org/book/17866/1735628>